

листических рамок, становится для него чем-то вроде основной формулы творчества.

---

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 387.

² Там же. С. 389.

³ Здесь и далее страницы приводятся по изданиям: Кундера М. Невыносимая легкость бытия. СПб., 2001; Он же. Вальс на прощание. СПб., 1999; Он же. Бессмертие. СПб., 1999; Он же. Смешные любви. СПб., 2001.

⁴ См.: Набоков В. Ада, или Страсть. Хроника одной семьи. Киев; Кишинев, 1994. С. 86.

⁵ Жид А. Фальшивомонетки. Тесные врата. М., 1991. С. 447.

⁶ Известная статья об этом романе так и называется — «История одного жеста» (Кузнецов С. История одного жеста: (Милан Кундера. Бессмертие) // Иностранная литература. 1995. № 6. С. 213—216).

Е. М. Оносова

Образ Белой Богини в поэзии Сильвии Плат

Была ли она демон, наделенный поэтическим гением, или гений, одержимый демоном разрушения, злым духом, неистовствующим внутри нее и управляющим ее действиями?

Джин Гулд

Англо-американская поэтесса и писательница, представительница так называемой «исповедальной лирики», Сильвия Плат (Sylvia Plath) родилась в Бостоне в 1932 году, в эпоху Великой депрессии. Ей было тридцать, когда она добровольно покинула этот мир.

«Если бы история ее жизни не была столь зачаровывающей и столь горькой, возможно, ее поэзия получила бы более умеренную оценку», — заметил один из исследователей ее творчества¹. С этим, однако, трудно согласиться, ведь имя Сильвии Плат успело обратить на себя внимание читателей и критиков еще при ее жизни. Рано или поздно ее произведения (сборники поэзии — «The Colossus», «Ariel», «Crossing the Water», «Winter Trees»; ро-

ман «The Bell Jar» и др.) оказывались замеченными, а собрание ее поэзии, изданное посмертно, было отмечено в 1982 году Пулитцеровской премией. Как известно, эту награду присуждают за новейшие литературные достижения, а ее получили стихи, с момента создания которых к тому времени прошло уже более двадцати лет.

Сильвия Плат была поэтессой, своеобразное творчество и необычная судьба которой, тесно переплетенные между собой, не могли не вызывать споров. Кто-то отдавал ей первое место в ряду основных имен американской женской поэзии, были и те, кто считал ее творчество фактом любопытным, однако незначительным. Между тем молодое поколение поэтесс черпало вдохновение в ее языке и стиле.

Неосведомленный читатель воспринимает поэзию Плат как коллекцию ярких и удачных образов, в большей или меньшей степени наполненных значением, как и все символы в нашей жизни. Однако, по мнению Джудит Кролл (Judith Croll), вряд ли в поэзии Плат есть хоть одна деталь, которая не связана с ее общим видением и пониманием мира. Поэтесса была знакома с творчеством таких авторов, как К. Г. Юнг, Дж. Фрейзер, З. Фрейд и Р. Грейвс, и это, несомненно, повлияло на ее творчество.

Иметь дело с поэзией Плат — в первую очередь иметь дело с голосами, пейзажами, героями, образами, эмблемами и мотивами, связанными с мифологической драмой, в которой «всегда присутствует вечная необходимость греческой трагедии»². Тед Хьюз писал: «Стихотворения ее — главы мифологии, в которых сюжет... сильный и ясный, даже если его происхождение и действующие лица, по сути, весьма загадочны... Мир ее поэзии — мир символических воображаемых событий, математических симметрий, ясновидения, метаморфоз, мир, в котором воскресает биологическая и расовая память. И вся сцена открывается взору благодаря преображающему глазу великого белого света безвременья»³.

Важнейшие мотивы творчества Сильвии Плат — три набора полярностей: мужчина как «бог» и «дьявол», ложное «я» и истинное «я», смерть-в-жизни и жизнь-в-смерти (или смерть и возрождение).

С. Плат описывает отношения мужчины и женщины как отношения изначально неравные. Мужчина играет главную роль в се-

мье и в обществе. Лирическая героиня Плат не согласна с таким положением вещей, но изменить роли можно, лишь убив мужчину (в некоторых случаях он умирает собственной смертью). Образ мужчины может быть представлен в лирике Плат как образ отца героини или другие мужские фигуры, определяемые как муж, иногда как любовник или жених. Мужчина может появиться в богоподобном обличье колосса или «Властелина зеркал» либо в виде дьявола, нациста или вампира. Протагонист, отвергнутый своим личным богом, пытается изменить состояние смерти-в-жизни путем трансформации в дьявола или подобного ему существа.

Ядром, объединяющим все вышеуказанные оппозиции, является миф Белой Богини, рассмотрению которого и посвящена данная статья.

«Жизнь» богини обычно включает в себя смерть бога-мужчины, потерю которого она либо оплакивает, либо празднует в зависимости от ситуации. Главным источником жизни богини была для Плат книга «Белая Богиня» Роберта Грейвса (*Robert Graves. The White Goddess: A historical grammar of poetic myth*), заметно повлиявшая на ее творчество. В 60-е годы это исследование было культовым для многих. Книга Грейвса отличается «завидной прямоотой поэтической мысли... бескомпромиссной самоотнесенностью к осевому времени европейской мифопоэтической традиции»⁴. По утверждению Грейвса, функция поэзии — в религиозном обращении к Музе, а ее суть — в ощущении восторга и ужаса, вызываемых присутствием Богини.

Богиня, по Грейвсу, — «красивая хрупкая женщина с крючковатым носом, со смертельной бледностью на лице, красными, как ягоды рябины, губами, блестящими синими глазами и длинными светлыми волосами»⁵. Она способна мгновенно превращаться в кобылу, сову, волчицу, русалку или отвратительную ведьму⁶.

Тед Хьюз подтвердил, что Сильвия Плат читала «Белую Богиню», ибо именно он познакомил ее с данной книгой вскоре после их первой встречи. Когда они поженились, на одной из стен их квартиры висел плакат с изображением великой богини Луны, Исиды, Великой Матери всего сущего, где были перечислены ее различные имена: Геката, Прозерпина, Диана, Луна.

Белая Богиня была для Плат не только музой. Миф Белой Богини стал ее собственным мифом. Она писала матери о том, что планирует приобрести таро, научиться читать гороскопы, всерьез говорила издателю о своих суевериях. Она действительно верила в исключительную важность даже самых мелких совпадений и в существование одной-единственной, великой поэтической темы: жизни, смерти и возрождения Духа Года, сына и возлюбленного Богини.

Миф Белой Богини, когда Плат только познакомилась с Хьюзом, казалось, упорядочил весь опыт ее жизни, и он стал впоследствии влиять на нее так, что она была уверена, что этот миф определяет ее существование. Ее дальнейший жизненный опыт, в частности беременность и материнство, немедленно были вписаны в рамки мифа. Кульминационное подтверждение ее идентификации с Белой Богиней придет несколько лет спустя: это будет ее разрыв с мужем — событие, которое она восприняла как повторение тяжелой утраты и того, что ее бросили.

Мотив Белой Богини напрямую связан с образом луны. Луна — один из самых ярких и частотных (более ста прямых ссылок) образов-символов в мифологической системе Плат. Данный образ освещает природу всей ее мифологии, потому что это «стенографический символ или эмблема общего видения мира, а не отдельный «местный» символ» (каковым он был, к примеру, во многих ее ранних стихотворениях)⁷.

Луна в поэзии Плат выступает в роли ее символической музыки, богини, отражает глубочайшие источники вдохновения ее поэтического видения, призвания, ее женской сущности, ее роли и судьбы протагониста в трагической драме. Использование лунной иконографии дает конкретную форму особому духу мифологизированной биографии. Тед Хьюз писал о луне С. Плат, что это была «... странная муза, лысая, белая и дикая, в своем «костяном капюшоне» плавающая над пейзажем, как та, что изображена на картинах первобытных художников, жгуче светящееся видение рая. Рая, который в то же время является зловеще пугающим, неизменным световым пятном видения смерти»⁸.

Самая ранняя ссылка на «Белую Богиню» — стихотворение «Фавн» («Faun», 1956), известное также как «Метаморфоза» («Meta-

morphosis»), в котором мы видим освещенную лунной рощицу, сов и желтые глаза звезды⁹.

Муза-луна занимает центральное место и в поздних стихотворениях Плат. Этот символ настолько мощен, что все другие образы, особенно те, что по каким-то признакам напоминают луну, попадают под ее власть. Очевидно сходство луны и яйцеклетки: обе они сферической формы, белые, цикл луны «управляет» менструальным циклом. Начало цикла гарантирует бесплодие. Эту взаимосвязь мы видим в «Мюнхенских манекенах» («Munich Mannequins»), где яйцеклетки — бесплодные луны в телах женщин:

Perfection is terrible, it cannot have children.
Cold as snow breath, it tamps the womb
Where the yew trees blow like hydras,
The tree of life and the tree of life
Unloosing their moons, month after month, to no purpose¹⁰.

Образ луны организует все стихотворение. Вначале упоминаются яйцеклетки, женские «луны», за чью способность/неспособность к воспроизведению потомства отвечает Луна-муза. «Голые и лысые» манекены совершенны, как луна, как неоплодотворенная яйцеклетка, а потому не способны к репродукции, они — символ женской стерильности. Они — девственные мадонны, ведь первоначальный вариант названия стихотворения — «Лысые Мадонны» («The Bald Madonnas») — что перекликается с описанием луны как «каменной мадонны» в стихотворении «Чинящие сеть» («The Net Menders»).

В 1961 году Плат написала стихотворение «Соперница» («Rival»). Здесь поэтесса рисует детальный портрет своей музы: безжалостной, грозной женщины, требующей полного самопожертвования. В стихотворении «Луна и Тис» («The Moon and the Yew Tree») лирическая героиня объявляет себя «Музой-поэтом» и утверждает, что луна — ее мать, хотя она и не «такая милая, как Мария», но «дикая и лысая». Р. Грейвс также противопоставлял жесткую, капризную, несдержанную Белую Богиню мягкой, уравновешенной, целомудренной Деве.

Луна-муза — это еще и ведьма-пророчица, похожая на Гекату. Геката — мать ведьм, «высший источник предвидения», «Богиня

судьбы». Она (как и Цирцея, Гера, Персефона), «Тройственная Богиня-луна», выступает в роли богини смерти. Многие детали в поздних стихотворениях Плат подчеркивают, что Луна-муза — это ведьма. Она лысая, жуткая, беспощадная, бесплодная и зловещая¹¹. В последнем стихотворении Плат «Край» («Edge», 1963) луна в «костяном капюшоне» смотрит вниз на свершившуюся драму.

В апреле 1962 года Плат слушала по Би-би-си стихотворения и комментарии к ним Л. Райдинг, «живой музыки» Грейвса. Рукопись «Маленькой фути» («Little Fugue»), датированная вторым апреля, содержит приписку о том, что Плат писала его, слушая Лору Райдинг. Основная тема «Маленькой фути» — оплакивание героиней смерти своего отца, то есть вариация главной темы, определенной Грейвсом. Стихотворение начинается строками «The yew's black fingers wag», затем обыгрывается символика тиса, в частности, образ тиса — дерева смерти, посвященного Гекате и ведьмам, а также элемента алфавита древних друидов. Язык первого варианта стихотворения перекликается с языком «Белой Богини». В книге Грейвса мы находим упоминание о том, что, по верованиям древних, «тисы возле церквей пускают корни в рот каждого трупа»¹².

У Плат в черновике «Маленькой фути» мы встречаем этот же образ:

The yew is many-footed,
Each foot stops a mouth.

И далее —

A cartoon balloon rooted in the mouths of the dead¹³.

По Грейвсу, Белая Богиня — «антидомашняя» богиня. Она всегда «другая женщина», и играть ее роль более нескольких лет мало кто в силах, поскольку «в сердце любой менады или музы живет искушение совершить самоубийство, обратившись к радостям домашнего очага»¹⁴. Для Плат это означало, что в рутине быта она рисковала потерять роль музы для своего мужа-поэта и «задушить музу в себе»¹⁵. Крушение брака стало не только предательством любимого мужчины и бога, но и «отвержением ложного “я”»¹⁶.

Эта тема стала главной в таких важнейших для понимания эстетики Плат стихотворениях, как «Леди Лазарь» («Lady Lazarus»),

«Жала» («Stings»), «Паранджа» («Purdah»). Она впитала в себя два мотива мифа о Белой Богине, связанные с убийством мужчины-бога (который теперь уже идентифицируется с дьяволом и угнетателем; а его смерть или отсутствие, равное по сути смерти, больше не оплакивается, но празднуется) и с возрождением богини. Освобожденная богиня Плат принимает облик пчелиной матки и львицы.

В стихотворениях Плат часто встречается образ Девы Марии, который, на первый взгляд, не связан с образом лунной богини. Однако скорбь Марии, оплакивающей Христа, Грейвс считает вариацией мотива «умирающего бога и скорбящей богини», упоминая тот факт, что на определенной стадии развития культуры происходило отождествление Девы Марии с Тройственной Богиней. Согласно учению гностиков, впервые как секта появившихся в I веке до н. э., Иисус «явился в разуме Святого Духа Бога, который на еврейском языке был женского рода и, судя по Бытию (1 : 2), “носился над водою”»¹⁷.

Дева Мария стала физическим сосудом, в котором эта идея получила воплощение. У гностиков «Мария» означает «из моря». «Очаровательная Дева в синих одеждах с жемчужным ожерельем была когда-то языческой морской богиней, впоследствии спрятавшейся за разными масками» — Мариан¹⁸, Мириам, Мариамне (морской агнец) и т. д.¹⁹ В стихотворении Плат «Ариэль»²⁰ «переход от пены к пшенице, а затем к мерцанию морей — это как переход от Афродиты к Еве и, наконец, к деве Марии»²¹. Плач ребенка, тающий в стене, — это плач Иисуса у стен Иерусалима.

Цвета Тройственной Богини: белый, красный и черный — основные цвета поздней поэзии Плат. Грейвс писал, что белый — это основной цвет богини, цвет первой богини из лунной триады²². Белый в некоторых культурах — символ смерти, что в сочетании с другими атрибутами делает луну идеальным образом небытия. Такие слова, как «жемчуг», «серебро» или «слоновая кость», которые могут использоваться для описания лунного света, всегда являются свидетельством какого-либо несчастья.

Белизна Богини всегда обладает амбивалентным значением. С одной стороны, это чарующая и приятная белизна женского тела, молока, с другой — ужасающий холод трупа, снега, проказы.

Сюжет стихотворения «Восход луны» («Moonrise») основан на информации, данной Грейвсом о том, что тутовые ягоды, созревание которых происходит в три этапа (цвет их меняется от белого к красному, затем от красного к черному), посвящены Белой Богине, ведь эти цвета — ее цвета. Ио-корова, одна из ипостасей богини, меняла свой цвет с белого на розовый, а затем на черный. По Грейвсу — это три лунные богини: молодая луна — богиня рождения и взросления, полная луна — красная богиня любви и войны, старая луна — черная богиня смерти и прорицания. Этот миф Суида Византийского, описанный в исследовании Грейвса, подкрепляется легендой Гигина о телке, родившейся у Миноса и Пасифаи, которая таким же образом меняла свой цвет трижды в день. Состязаясь с оракулом, некий Полиид сравнил ее с тутовым деревом, ягоды которого были посвящены Тройственной Богине. «Восход луны» описывает эти изменения тутовых ягод и заканчивается обращением к луне, «Люцине, костлявой матери». Люцина — богиня, связанная с деторождением. В конце стихотворения (*The berries purple / And bleed. The white stomach may ripen yet*) мы видим явную связь с луной.

Становится очевидным, что Плат апеллировала не к одному из образов Белой Богини, но ко всей структуре ее мифологии, взяв в качестве главного символа луну-музу. Итак, в центре мифологической системы Плат находится Тройственная Богиня луны, ассоциирующаяся с поэтическим вдохновением, отдельные воплощения которой связаны с определенной фазой цикла жизни, смерти и возрождения. В некоторых своих воплощениях Богиня имеет супруга — солнечного бога, героя, который умирает и оплакивается Богиней, либо Богиня совершает ритуальное убийство своего короля и возрождается.

---

¹ *Plath S.* The Collected Poems. N. Y., 1981. P. 1.

² *Kroll J.* Chapters in Mythology. The Poetry of Sylvia Plath. N. Y., 1976. P. 5.

³ Цит. по: *Ibid.* P. 6.

⁴ *Генисаретский О.* Служенье ей есть идеальная свобода // Русский журнал; Круг чтения; Книга на завтра [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.russ.ru/krug/kniga/19990726.html

⁵ *Грейвс Р.* Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии / Пер. с англ. Л. Володарской. М., 1999. С. 24.

⁶ С подобными перевоплощениями мы часто встречаемся в лирике С. Плат. Так, например, в «Ариэле» лирическая героиня-богиня-волшебный дух с легкостью превращается в лошадь, затем в львицу, а потом — в пену, сияние морей.

⁷ См.: *Kroll J.* Op. cit. P. 21.

⁸ *Ibid.* P. 22.

⁹ По легенде о Млечном Пути, богиня Блодаивет была сотворена при помощи колдовства, чтобы стать невестой Хлева Хлау Гефеса, но она убивает его и превращается в сову.

¹⁰ *Plath S.* Op. cit. P. 262.

¹¹ Хотя она также может быть «прекрасной, но уничтожающей», как в стихотворении «Соперница».

¹² *Kroll J.* Op. cit. P. 192.

¹³ *Ibid.* P. 193.

¹⁴ *Грейс Р.* Указ. соч. С. 525.

¹⁵ *Kroll J.* Op. cit. P. 48.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Грейс Р.* Указ. соч. С. 174.

¹⁸ Самое раннее написание имени Девы на английском языке — *Maġian*, а не *Mariam* (греческая форма, использованная в Евангелиях).

¹⁹ *Грейс Р.* Указ. соч. С. 175.

²⁰ В стихотворении «Ариэль» мы сталкиваемся с Ночной Кобылой, одной из самых жестоких ипостасей Белой Богини. Ее гнезда, если набрести на них в снах, находятся на скалах или ветвях высоких и дуплистых тисов, выложены белой шерстью лошади и перьями пророческих птиц, а внутри разбросаны челюсти и внутренности поэтов. Пророк Иов сказал о ней: «Живет она на горе. И дети ее пьют кровь».

²¹ *Retivova T.* Reconstructing Sylvia Plath through Ariel [Electronic recourse]. [Http://spintongues.vladivostok.com/PlathIntro2.htm](http://spintongues.vladivostok.com/PlathIntro2.htm)

²² Цит. по: *Kroll J.* Op. cit. P. 5.

В. М. Паверман

Джордж и Марта... Amen!

Пьеса Э. Олби «Не боюсь Вирджинии Вулф»
на сцене Екатеринбургского драматического
театра «Волхонка»

Эдвард Олби (р. 1928) — американский драматург, автор многочисленных пьес. Зрители нашей страны знают такие его произведения, как «Что случилось в зоопарке», «Смерть Бесси Смит»,

© В. М. Паверман, 2005